

АНТИЧНЫЙ МИФ В ЛИРИКЕ И ДРАМЕ Н.С.ГУМИЛЁВА «АКТЕОН»: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ, ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

© 2008 Ю.Б.Бакулина

Самарский государственный педагогический университет

В данной статье рассмотрены ключевые вопросы гумилёвской поэтики, связанные с восприятием античных мифов: их сущность, особенности функционирования. Образ античности в творчестве поэта серебряного века связан с диалектической борьбой и единством трёх начал: земного, духовного и героического.

В лирике поэтов серебряного века обострился интерес к античности, поскольку в указанный период в России начался, по словам Н.А.Бердяева, «культурный Ренессанс»¹. Осознание античной «телесности» как основы поэтического мирозерцания, «столкновение идеала христианского с языческими умонастроениями»² – причины пристального внимания к античности поэтов рубежа веков, в том числе и Н.С.Гумилёва. Он проявил, по словам В.К.Лукницкой, «...интерес... к римской литературе, к произведениям Овидия, Вергилия»³. Античный миф предстаёт у Н.С.Гумилёва вариантом лирического автомифа, связанного с идентификацией творческой личности как субъекта познания: вечное оказывается центром внимания Н.С.Гумилёва. В одном из стихотворений поэт устами своего лирического героя признаётся:

Я не смотрю на мир бегущих линий,
Мои мечты лишь вечному покорны⁴.

В приведённом стихотворении противопоставлены бегущие линии (символ изменяющейся жизни) и вечное. Воплощением вечного и становится у Н.С.Гумилёва культура, к примеру, античность. Не только роман-

тические пристрастия поэта (необходимость познания духа, диалектизм, романтическая «отчуждённость» и одиночество героя), но и знакомство с великими знатоками культуры древности В.Я.Брюсовым и И.Ф.Анненским были причинами обращения Н.С.Гумилёва к античности. Образ древней культуры базируется у него на диалектической борьбе и единстве духовного, земного и героического начал. В «античных» лирике и драматургии поэта варьируются три мотива: *мотив земного мира, мотив духовного странничества, героические мотивы* – и представлены три типа античных героев: *духовный персонаж, герой земного мира, героическая личность*. Т.С.Зорина отмечает: «...Миф же выступает у Гумилёва воплощением поэтически значимого, источником вдохновения и поэтической фантазии»⁵. Исследовательница указывает, что античные мифы и легенды являются фундаментом гумилёвской поэзии, её первоисточником, а сам поэт вдохновлён античностью. Античные мифы занимают в лирике и драматургии Н.С.Гумилёва весьма важное место, поскольку представляют собой ключ к осмыслению творческой личности поэта. Так, тяга лирического героя Н.С.Гумилёва к познанию передаётся всем античным персонажам поэта. Даже представленный в лирике Н.С.Гумилёва *герой земного мира*, стремящийся к гармонии и к земной мудрости, в какой-то момент отвергает свой родной «рай», то есть землю. Например, дриада в гумилёвской «Песне дриады» (1905) стремится из леса к возлюбленному принцу огня:

¹ Бердяев Н.А. Избранное. – М.: Искусство, 2005. – С.176.

² Коновалова О.А. О некоторых аспектах культуры в поэтической вселенной Н.С. Гумилёва // Гумилёв Н.С. Избранное. – М.: Аст, 2007. – С.21.

³ Лукницкая В.К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л.: Лениздат, 1990. – С.44.

⁴ Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. – Т. 1. – М.: Терра, 1991. – С.74.

⁵ Зорина Т.С. Поэзия Н.С. Гумилёва и античность: Дис... канд. филолог. наук. – СПб.: 2002. – С.40.

Как горит твой алый камзол,
Как сверкают милые очи,
Я покину родимый дол,
Я уйду от лобзаний ночи...⁶

Один из ключевых *духовных героев* – Одиссей – сознаёт, что пребывание на грани жизни и смерти во имя постижения для него важнее, нежели простое земное счастье. Герой в лирическом цикле Н.С.Гумилёва «*Возвращение Одиссея*» (1910) обращается к своему отцу Лаэрту с такими словами:

Старик, спеша отсюда прочь,
Последний раз тебя целую,
Я снова ринусь грудью в ночь
Увидеть бездну грозовую⁷.

Здесь налицо противопоставление земной мудрости с её философией «золотой середины» (воплощение земного мира – розовые хариты) и тяги к познанию, требующему духовного мужества, преодоления смерти (её символ – бездна грозовая). По мнению Е.А.Абрючновой, Одиссей – не герой, а антигерой: стихия Одиссея – разрушение, тёмная страсть. Исследовательница пишет: «*Итак, вот черты дионисического художника Одиссея: полное подчинение стихии экстаза (слепая и страстная жажда убийства), восторг самозабвения и выхода из размеренного и узаконенного мира...*»⁸. На наш взгляд, такая точка зрения излишне однопланова: хотя Одиссей, разгневанный на женихов, совершает ряд убийств, он для Н.С.Гумилёва – выражение духовного странничества, человек, чья жизнь связана с преодолением различного рода преград, боли, страха. Значит, и отношение автора, тоже духовного странника, к Одиссею, характер которого противоречив, двойственно. Н.С.Гумилёв стремится подчеркнуть духовное одиночество персонажа, его мужество. Налицо, однако, и отличие гумилёвского Одиссея от гомеровского: если гомеровский персонаж благополучно возвращается домой, хотя и понимает, что необходимо отмолить грехи (в частности, то, что он

выколол единственный глаз сыну бога Посейдона), то гумилёвский персонаж оказывается готовым на *вечное* странничество и обретение богочеловечества, потому покидает свой дом.

Мы должны сказать о влиянии стихотворения В.Я.Брюсова «*Одиссей*» (1907) на лирический цикл Н.С.Гумилёва, который неоднократно отмечал своеобразие стихотворений символиста. В.Я.Брюсов, в творчестве которого мотив духовного странничества играет важнейшую роль, обратился к осмыслению образа Одиссея и усилил экзистенциальную трактовку образа этого персонажа. По мнению В.Я. Брюсова, Одиссей – человек с тёмной душой, которого будет вечно влечь к познанию, к смерти, воплощённой в образах сирен:

И всё мечта предугадала!
Когда в тиши морских пустынь,
Вонзая сладостные жала,
Песнь разлилась полубогинь...⁹

Стихотворение В.Я.Брюсова, как и Н.С.Гумилёва, написано в форме напряжённого монолога (это и есть главный приём изображения персонажа). У обоих поэтов Одиссей становится вариантом духовного героя, стремящегося к богочеловечеству с помощью постижения пограничного между жизнью и смертью состояния.

Во многом сходен с Одиссеем Актеон из одноимённой пьесы Н.С.Гумилёва. Актеон за невольную оплошность (увидел обнажённой богиню Диану) поплатился жизнью. Овидий в поэме «*Метаморфозы*» отмечает, что виной всему была случайность, позволившая герою увидеть то, на что смертному смотреть не позволяет:

Первым внук тебе, Кадм, средь столь великого счастья,
Горя причиною стал...
Полубопытствовав, в том ты судьбы лишь вину обнаружишь,
Не преступленье его; ибо в чём преступленье ошибки?¹⁰

⁶ Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. – М.: Терра, 1991. – С.23 – 24.

⁷ Там же. – С.141.

⁸ Бердяев Н.А. Избранное. – М.: Искусство, 2005. – С. 88.

⁹ Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы 1892 – 1909 гг. – М.: Художественная литература, 1973. – С.524.

¹⁰ Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Пер. с латинского С.В.Шервинского. – М.: Художественная литература, 1983. – С.148.

У Н.С.Гумилёва же в его драме об Актеоне имеют место две трактовки гибели героя: вина и ошибка, причём преобладает вина. Актеон сам стремится к богочеловечеству («Я буду спать, не закрывая глаз, / И, может быть, проснусь наутро богом»¹¹), но этот путь требует преодоления своих земных инстинктов, привязанностей, непрерывной работы над собой. Актеон избирает не путь духовного труда, а лишь созерцательность, не приемлемую для мироощущения Н.С.Гумилёва. В судьбе гумилёвского героя Э.Д.Сампсон прозревает «трагическую судьбу поэта, зажатого между двумя уровнями жизни»¹², стремящегося к познанию и не способного «оторваться» от своей земной «основы» и стать абсолютной материализацией вечного (богом). Желание стать богом овладевает и другими духовными персонажами Н.С.Гумилёва (Семирамидой, Ахиллом, Гераклом), поэтому центральным мифом лирики поэта становится миф о рождении духовности, о духовном странничестве. Мотив духовного странничества у Н.С.Гумилёва эволюционирует, и особенности его функционирования связаны с изменениями метода поэта. Если раннее творчество Н.С.Гумилёва характеризуется усилением элементов поэтики символизма и восприятием души и тела как двух сторон «одной медали» (сборники «Путь конквистадоров» и «Романтические цветы»); интересом к символизации; то позднее тяготеет к акмеизму, к живописному началу, к детализации, к гармонии души и тела, к восприятию земли как «звезды, огнём пронизанной насквозь...»¹³ в книгах «Жемчуга», «Чужое небо». Анализируя основные мифы лирики поэта, Е.Ю.Раскина отмечает ключевую роль «...мифа о божестве, в демургическом акте творчества создающем мир из хаоса»¹⁴. Творение космоса из хаоса – прерогатива не только бога, но и поэта-жизнестроителя, осмысленного в лирике Н.С.Гумилёва как героическая личность. Поэт обращается к ан-

тичному героическому мифу, синтезирующему миф о рождении духовности и миф о земном мире. В ранней лирике поэта мы обнаружим образы римских правителей (Манлия, Каракаллы), становящихся вариантами «сильной личности», а в поздних произведениях можно увидеть греческих героев, стремящихся к познанию духа (Ахилла, Одиссея, Геракла). Рассмотрим образ Геракла. В лирике поэта он переживает эволюцию. Так, в стихотворении «Немая» Геракл, по Н.С.Гумилёву, «встал с угрозой до небес»¹⁵, т.е. смог возвыситься до бога, но в основе его подвигов лежит разрушение. Геракл в более позднем гумилёвском стихотворении – «В пустыне» – дивен потому, что сам выбирает свою смерть, но не убивает:

...Я в память дивного Геракла
Сперва отдам себя костру¹⁶.

В этом стихотворении мы видим влияние пьес Софокла («Трахинянки») и Сенеки («Геркулес на Эте», «Геркулес в безумье»). В этих античных произведениях Геракл изображён и убивающим чудовищ, и способным преодолеть смерть. Он гордо принимает её в тот момент, когда подвергается тяжёлым страданиям, которые испытывает от отравленного его женой хитона. Геракл оказывается героем, способным преодолеть смерть, подобно Христу (к примеру, у Вяч.И.Иванова говорится о венце «...Христа-Геракла»¹⁷). Именно героизм становится для Н.С.Гумилёва формой синтеза духовного и телесного, преодоления смерти, боли и страха.

Образ античности у Н.С.Гумилёва основан на синтезе и борьбе мотивов духовного странничества, земного мира и героических мотивов. В образах персонажей эти мотивы переплетаются, при этом преобладающий мотив всё-таки можно выделить, ибо именно он, по Н.С.Гумилёву, определяет характер и судьбу мифологического героя, тип античного образа: духовный герой (Одиссей), мифологический персонаж земного мира (Актеон),

¹¹ Гумилёв Н.С. «Когда я был влюблён...» – М.: Школа-Пресс, 1994. – С.411.

¹² Sampson E.D. Nikolay Gumilyov. – Boston: Itola, 1979. – P.165.

¹³ Гумилёв Н.С. «Когда я был влюблён...» – М.: Школа-Пресс, 1994. – С.289.

¹⁴ Раскина Е.Ю. Мифопоэтическое пространство поэзии Н.С. Гумилёва: Дис... канд. филологич. наук. – СПб., 2000. – С.108.

¹⁵ Гумилёв Н.С. «Когда я был влюблён...» – М.: Школа-Пресс, 1994. – С.486.

¹⁶ Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. – М.: Терра, 1991. – С.271.

¹⁷ Иванов Вяч.И. Стихотворения, поэмы, трагедия. – СПб.: Академический проект, 1995. – С.223.

героическая личность (Геракл). Именно античные мифы, сюжеты и образы являются ключом к пониманию творческой личности Н.С.Гумилёва, вариантом его авторского мифа, обращённого к постижению инобытия и обретению своего внутреннего «Я» как «Я» «человекобога».

ANTIQUÉ MYTH IN LYRICS AND N.S.GUMILYOV'S DRAMA»ACTAEON»: CONTENT, FEATURES OF PERCEPTION, A PROBLEM OF FUNCTIONING

© 2008 J.B.Bakulina

Samara State Pedagogical University

The article deals with the key questions in N.S.Gumilyov's poetics connected to perception of antique myths: their content, functioning features. The image of antiquity in creativity of the silver age poet is connected to dialectic struggle and unity of three beginnings: terrestrial, spiritual and heroic.